
IN MEMORIAM
ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ПАЛИЕВСКИЙ
(1932–2019)

А. Гулин

ПАМЯТИ ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ПАЛИЕВСКОГО

8 октября 2019 г. на 88-м году жизни закончился земной путь Петра Васильевича Палиевского. Поверить в это трудно: всем своим душевным складом, ясностью и силой ума, просто житейскими повадками Петр Васильевич до последних недель жизни отвергал самую мысль о старости, увядании, близком конце. Для окружающих он сделался едва ли не образцом бодрого, плодотворящего долголетия. По-юношески звонкий, крепкий голос, легкая, быстрая походка (иногда за ним трудно было угнаться даже и тем, кто намного моложе), мгновенный, изумительно точный отклик на каждое жизненное явление, на любое прозвучавшее слово, а самое главное – творческий дух, казалось, ничуть не ослабевший, были свойственны Палиевскому как мало кому в его почтенном возрасте. Кто из нас не желал себе втайне похожей судьбы?

* * *

От нас ушел ученый с мировым именем, человек, без которого невозможно представить себе 60 лет истории Института мировой литературы, да и всей российской филологии.

Доктор филологических наук, в разные годы заместитель директора ИМЛИ по науке, главный научный сотрудник Отделов теории литературы и русской классической литературы, Петр Васильевич до своих последних месяцев принимал деятельное участие в судьбе института. Его блестящее научное дарование – всегда неотделимое от высокого идеала гражданского служения,

его превосходный организаторский талант – всегда гуманный и проницательный – оставили неизгладимый след в академической филологии. Самобытная личность, богатые труды П.В. Палиевского на протяжении десятилетий оставались одним из важнейших духовных центров жизни ИМЛИ.

Ученый исключительного диапазона Палиевский получил широкое признание в России и за рубежом в качестве автора ставших классическими исследований. Чрезвычайно велик его вклад в теорию литературного образа, изучение природы художественных ценностей, выявление закономерностей литературного процесса. Вместе с тем теоретические достижения Петра Васильевича нашли свое продолжение в углубленном, нетривиальном изучении Пушкина и Льва Толстого, Леонтьева и Розанова, Шолохова и Булгакова, Фолкнера и Грэма Грина, Замятина и Хаксли. Органичными свойствами его исследований всегда выступали образцовая логика, масштабность и отточенность мысли, верность национальной научной традиции.

Деятельность П.В. Палиевского в течение долгих лет была несомненным ориентиром для многих ученых близкого ему и последующих поколений. Десятки специалистов – российских и зарубежных – вплоть до последних дней его жизни обращались к нему за консультациями по самому широкому кругу научных проблем.

Обладая ярким талантом публициста и литературного критика, Петр Васильевич с начала 1960-х годов получил широкую известность как неравнодушный к судьбе России участник полемики о ценностях национального мира, о прошлом и будущем страны. Он принимал заметное участие в русском патриотическом движении, был одним из создателей «Русского клуба» и Советско-болгарского клуба творческой молодежи, где объединились многие будущие видные российские идеологи. Ему по праву принадлежит единственное место в истории русской общественной мысли второй половины XX в.

Значение П.В. Палиевского в судьбе ИМЛИ, в развитии отечественной и мировой филологии, в идейном движении русского мира неповторимо и бесценно.

* * *

Во время одной из последних бесед с Петром Васильевичем летом 2019 г. автору этих строк пришлось пожаловаться на жизнь: до чего же мир, окружающий нас, бывает порой неприветливым, хмурым, чуть ли не ужасным! И в ответ я услышал: «Да-да, он временами еще хуже, чем Вам кажется. Но до чего же интересен!»

Палиевский принадлежал к поколению моих родителей. И представить себе его значение для умственной жизни Советского Союза 1960–1970-х годов – в пору царствующей литературы и время наивысшего творческого расцвета Петра Васильевича – для нас, их детей, едва ли было возможно в полной мере. Отдавая должное таланту Палиевского, его аналитической одаренности, его заслугам, находя в нем почти отеческую поддержку по множеству научных и мировоззренческих вопросов, мои сверстники не разделяли иных его убеждений, не могли принять в полной мере ту философскую систему, обладателем которой он, безусловно, являлся. Но мы испытывали к нему почти сыновнюю любовь и неизменно находили в нем своего мудрого старшего товарища.

Его познания были безграничны и при этом находились в безупречном порядке. В его последние годы мне часто приходилось говорить с Петром Васильевичем о самых разных предметах. Иногда разговор касался итальянской живописи. Он никогда не восхищался «высоким» Ренессансом, но бесконечно любил «весну» Возрождения: Фра Анджелико, Мазаччо, Доменико Гирландайо. Время найденных словно впервые объема, перспективы, цветущих красок. Иногда мне кажется, в этом отражалась очень существенная часть его натуры.

Светлая память о Петре Васильевиче навсегда сохранится в наших сердцах.

Упокой, Господи, душу раба твоего Петра.